К.

ЦА155
Д 317

4-3418

ПОЧЕМУ Я РАЗОШЕЛСЯ С "НОВЫМ МИРОМ".

Письмо к товарищу.

Льва Дейча.
Гор. Нью-Иорк.
Январь 1915 г.

Не сверено О.М.
3-й О.Ф.

ПОЧЕМУ Я РАЗОШЕЛСЯ С "НОВЫМ МИРОМ".

Письмо к товарищу.

Дорогой товарищ!

Давно уже я собираюсь рассказать, почему я разошелся с "Нов. Миром", но по разным соображениям все откладывал осуществление этого намерения. Теперь, в виду ниже указываемых мною обстоятельств, считаю необходимым сделать это.

Как Вам известно, я отправился из Парижа в Нью-Йорк в конце января 1911-го года, по приглашению председателя возникшего здесь общества "Новый Мир" для редактирования затеянной русской рабочей газеты. Вопреки письменному заявлению мне этого председателя, -д-ра С. Ингермана, что ко дню основания газеты у общ-ва "Нов. Мир" будет собрано 3.000 долларов, я, по приезде, сюда, узнал, что едва ли имеется шестая часть этой суммы. При этом оказалось, что общ-во рассчитывает, что я же соберу эту сумму путем об"езда некоторых американских городов, -для чего без моего ведома и согласия сделаны были уже некоторые шаги и приготовления.

Такое распоряжение мною меня крайне возмутило. На мое заявление Ингерману, что я ехал сюда редактировать газету, а не собирать для нее пожертвования, он, в присутствии т. Зиновьевой, самым резким образом возражал мне, доказывая, что такие мои публичные выступления входят в мои обязанности, как будущего редактора.

Хотя с такой постановкой я совершенно не соглашался, но в виду заявления Ингермана, что, в случае моего отказа, он выйдет из состава Правления общ-ва, я, скрепя сердце, согласился, так как

естественно, не желал в первые же дни приезда ссориться с председателем и этим расстраивать начатое дело.

Я стал раз"езжать по разным городам, выступая на митингах и банкетах, - благодаря чему необходимая сумма для обеспечения газеты на первое время, действительно была собрана и создалась благоприятная симпатизировавшая затеянной газете атмосфера. Некоторые лица, внося то или иное пожертвование - иногда довольно крупное - прямо заявляли при этом, что они делают это исключительно ради меня, в виду моей прикосновенности к данному предприятию. Присутствуя на обширных митингах и видя оказанный мне теплый прием, я вскоре перестал сомневаться в успехах газеты, выхода которой многие ждали с нетерпением.

Но упомянутое выше принуждение меня собирать средства для газеты в значительной степени испортило мне настроение и отношение к инициатору приглашения меня в редакторы, а также и этого эксплуатирования меня без моего ведома и согласия, - к д-ру С. Ингерману. Этим, однако, не ограничилось его неблаговидное поведение относительно меня: чем дальше, тем оно становилось возмутительнее и невероятнее.

Чуть не с первых же заседаний Правления об-ва "Новый Мир" я заметил, что этот председатель стремится поставить меня в положение исполнителя его взглядов, планов, целей. Не говоря уже про то, что мне на этих собраниях предоставлялся только совещательный голос, буквально не было ни одного предложения, внесенного мною, которого Ингерман не отверг бы, не потому, чтобы он был с ним не согласен по существу, а потому, как он прямо мне однажды заявил, что "это вовсе не дело редактора вносить таковые". Таким образом, выходило, что я обязан был терять один из семи вечеров еженедельно лишь для выслушивания предначерта-

ний д-ра Ингермана и его единомышленников, не рассчитывая на принятие моего предложения даже в том случае, когда, по моему убеждению, от этого могли страдать интересы газеты и мои, как редактора. С другой стороны, многих указаний и поучений этого председателя, при всем моем желании, я решительно не мог признать ни ценными, ни справедливыми. Приведу лишь один пример.

Еще до выпуска первого номера "Нов. Мира" я предложил Правлению ассигновать небольшую сумму на выдачу гонорара, главным образом, европейским товарищам, живущим исключительно литературным заработком. Услышав это, казалось бы вполне естественное, мое предложение, Ингерман с крайней запальчивостью стал опровергать его, доказывая, что европейские товарищи обязаны безвозмездно сотрудничать в "Нов. Мире", как потому, что это рабочая газета, так и потому, что из Нью-Йорка в течение многих уже лет посылаются в Европу деньги. Забыв, что сам он обладает здесь собственным домом, и, вместе с женой занимаясь медицинской практикой, требует гонорар даже у безработных товарищей, этот бескорыстный защитник интересов обездоленных кричал во все горло, произнося всякие возвышенные слова о "долге" и "святой обязанности" социалистов, чуть не бия себя в грудь - совсем в тартюфовском духе. После долгих дебатов, в конце концов было принято компромиссное решение, вероятно потому, что остальные члены правления поняли, что в этом вопросе я не уступлю целиком.

Опускаю массу других случаев разногласий с Ингерманом по поводу организации и редактирования газеты "Нов. Мир". Скажу лишь, что в большинстве их, несмотря на мое глубокое внутреннее убеждение в ошибочности или даже вреде того или иного приема, я все же уступал и лишь тогда энергично настаивал, когда дело касалось моих убеждений.

Вот пример.

Почти с первого же номера стала помещаться Правлением среди об"явлений и не совсем приличные, а также хвастливые воззвания к "другу читателю" о присылке пожертвований в пользу "Нов.Мира". Когда же на редакционном собрании, в каковое Ингерман также входил в качестве редактора, являясь таким образом в двух лицах, - я указал на неприличие как некоторых об"явлений, так и воззваний о пожертвованиях, Ингерман категорически заявил мне, что это касается компетенции Правления и в этом вопросе он мне не уступит. Когда же я на ближайшем общем собрании членов об-ва изложил свой взгляд на то, что редакция ответственна не только за текст, но и за все, печатающееся в газете, не исключая воззваний и об"явлений, - Ингерман с несколькими своими единомышленниками - в том числе небезызвестными "Джемсом" и "Тимофеем" - самым резким образом восстал против меня. Незначительным большинством собрание решило этот вопрос в пользу Правления, т.е. Ингермана и Ко. Я решил тогда же подать в отставку, т.е. в самом начале еще, после выхода всего 5-ти или 6-ти номеров газеты. Но по инициативе председателя Ингермана, созвано было экстренное собрание Правления и главных сотрудников, на котором все стали уговаривать меня взять назад свое заявление об уходе, доказывая, что Правление не будет впредь прибегать без ведома редакции к печатанию чего-либо, могущего вредить интересам газеты. Я последовал совету собравшихся, остался редактором, о чем вскоре должен был пожалеть.

Лишь медленно, постепенно для меня выяснились цель и стремления Ингермана, - его приглашение меня приехать в Америку и затем последовавшее его поведение со мной здесь. Я убедился самым несомненным образом, что, преследуя свои личные честолюбивые планы, он готов ставить меня в самое унизительное для сколько нибудь мыслящего человека положение.

Дело в том, что, живя в Нью-Йорке более двадцати лет, но не отличаясь решительно никакими добродетелями и положительными качествами, - ни умом, ни знаниями, ни бескорыстием, Ингерман за этот долгий период приобрел лишь среди крайне ограниченного кружка таких же, как и он сам, достаточно обросших всякими земными благами интеллигентов - "старожилов" - врачей, юристов, дантистов - репутацию дельного, способного и преданного человека. За эту репутацию он платит тем же, всюду, где возможно, протежируя им, по пословице: "рука руку моет". Пользуясь содействием этого кружка спевшихся и преданных ему лиц, Ингерман до моего сюда приезда всегда осуществлял все, что он считал полезным в своих личных целях и интересах, а также и в общественных.

Когда одна группа лиц задумала издавать здесь русскую социалистическую газету, Ингерман, не зная, кто станет во главе ее и опасаясь за свое положение "лидера", спервa резко восстал против этого плана. Но случайно узнав о затруднительном моем финансовом положении в Париже, он напал, как ему показалось, на блестящую мысль - предложить меня об-ву: таким образом он предполагал сделать меня своим сторонником и исполнителем своих предначертаний и не только сохранить, но еще более поднять свое положение здесь. "Вытащенный мной из нужды" - как выразился он однажды - "Дейч будет следовать советам людей, знающих местные условия", понимай: его, Ингермана. Ясно, что он расчитывал эксплуатировать

мою нужду, затруднительность моего материального положения. Но он ошибся в расчете.

После нескольких разногласий со мною он убедился, что я не буду в числе его подручных, подобно Тимофею, Джемсу и еще двум-трем лицам, что из меня нельзя сделать соломенного редактора, отдающего газете не только свое имя, но и буквально невероятно интенсивный труд: достаточно сказать, что в первые месяцы мне приходилось работать, при ужасных условиях, по 14-16 часов, а иногда и больше. Сам же Ингерман, занимая две почетные должности, очень мало делал, если не считать совершенно ненужных тоскучих словоизвержений на разного рода собраниях. Считаясь в редакционной коллегии, он ограничивался писанием небольших фельетонов "на злобы дня", но так как он лишен всякого литературного дарования, то произведения его являлись переполненными мало между собой связанными общими громкими фразами и пересыпались массой иностранных слов. По поводу этих его литературных упражнений я получал подобные жалобы от читателей: "да разве так нужно писать для рабочих"! Когда же я осмелился указать Ингерману на несоответствующий назначению газеты характер его произведений, его возмущение не имело границ, после чего вскоре он отказался от редакторства, а затем совсем перестал писать, - известно, что полные бездарности обладают неимоверным самолюбием и честолюбием.

Как бы то ни было, факт тот, что Ингерман, которому принадлежала инициатива приглашения меня, сам же вскоре начал вести крайне неблаговидную против меня агитацию. Он и его подручные пускали в ход всякого рода инсинуации, клеветы, обвинения, и началась в буквальном смысле слова травля того самого редактора,

которого всего несколько месяцем перед тем превозносили на митингах и банкетах и благодаря которому создана была газета. Восстановляя против меня малосознательных и непосвященных лиц, Ингерман меня же обвинял в том, что я будто бы "восстановил против себя многих!" Прибегая к возмутительнейшей демагогии, он добился того, что я почувствовал себя, как во враждебном лагере и потому вновь решил отказаться от редактирования газеты, о чем на этот раз заявил не Правлению, а общему собранию членов "Нов. Мира".

Не упомянув ни единым словом о роли в создавшемся для меня положении Ингермана и его сторонников, я заявил о невозможности дольше оставаться редактором. Тогда длинный ряд инспирированных Ингерманом лиц обрушился на меня со всевозможными, большею частью курьезными обвинениями, вроде, например, того, что однажды, вскоре по приезде в Нью-Йорк, я, вместо того, чтобы в тот же день вторично явиться на один митинг, отправился на концерт. Выступивший последним Ингерман не только признал полную свою солидарность с этими обвинителями, но и от себя прибавил не мало аналогичных моих прегрешений. "Сам Кутский, сам Плеханов, даже сам Аксельрод, - восклицал патетически он, - запрашивали меня про Америку, а наш редактор этого не делает!"

Так как эти курьезные обвинения он пересыпал неправдой x),

---

x) Он, например, сообщил собранию, будто бы, находясь в Париже, я до того торопил его с ускорением приезда сюда, что буквально бомбардировал его письмами; в действительности же, не получив в течение шести недель от него ответа на выраженное мною согласие, я вторично повторил это, предположив, что первое мое письмо не дошло.

и так как его обвинительная речь тянулась долго после полуночи, то я направился к выходу. Увидав это, он воскликнул: "уходите, правды не любите!" -"Лжи не люблю" - ответил я. Тогда он бросился ко мне с кулаками, крича, чтобы я не думал, что мой возраст гарантирует меня от должного ответа. Повскакав с места вмешались товарищи. Я оставил собрание, заявив, что слагаю с себя обязанности редактора.

Как мне потом сообщили, по предложению одного из адептов Ингермана, поддержанному им самим, собранием была выбрана депутация, чтобы уговорить меня остаться.

Так как к этому присоединились отдельные благожелательно ко мне расположенные товарищи и так как в материальном отношении положение мое было отчаянное, я вновь согласился остаться, поставив единственным условием - товарищеское отношение, хотя я и понимал, что Ингерман стремится только оттянуть время: то было летом, когда газета плохо распространяется, и мой уход мог бы ей еще более повредить.

С наступлением осени я предложил об-ву превратить "Нов. Мир" из выходящей раз в неделю газеты в двухразовую, чего желали многие читатели и что дало бы ей возможность конкурировать с издававшейся здесь также двухразовой газетой "Рус. Сл." Но, как всегда, Ингерман и на этот раз восстал против моего предложения, привлекши на свою сторону только небольшую кучку своих адептов. Огромное же большинство членов об-ва приняло мое предложение. Отрицательное отношение Ингермана обусловливалось, как признались потом некоторые из его единомышленников, лишь соображением: "не дать таким образом Дейчу укрепиться".

Правление с председателем Ингерманом во главе продолжало свою закулисную агитацию против меня. Когда же, в конце ноября,

первый годичный бал в пользу "Нов.Мира" доставил некоторую сумму, Ингерман и Ко нашли наступивший момент благоприятным, и на одном из ближайших собраний несколько сторонников Ингермана, выступив с аналогичными вышеприведенным обвинениями, предложили удалить меня.

Таковы, в общих чертах, факты, верность которых может быть доказана всякому беспристрастному человеку.

Поведение Ингермана и его клики по отношению меня и З. Зиновьевой было возмутительно и до того нагло, что вызывало в разных формах протесты не только среди социалистов, но и лиц, совершенно чуждых социализма.

Предвидя отказ мне от редакторства после бала, о чем я заранее заявил т.М.Хилквиту, я просил его взять на себя инициативу товарищеского рассмотрения моего расхождения с Ингерманом и его единомышленниками, членами Правления. Но до чего "об"ективен" был председатель этого товарищеского разбирательства М.Хилквит, может, между прочим, служить следующий пример. Когда, излагая вышеприведенные примеры я упомянул о том, что Ингерман бросился на меня с кулаками, т.М.Хилквит остановил меня, заметив: "мы знаем Ингермана в течение многих лет, как человека, неспособного наброситься на другого." И, несмотря на подтверждение моих слов двумя приглашенными мною товарищами, из которых д-р Аронсон первым бросился защищать меня от Ингермана, "беспристрастный" председатель, "знающий Ингермана много лет", поверил последнему, будто бы он бросился на собрании только затем, чтобы уговорить меня остаться"...

Не удивительно после этого, что товарищи-судьи признали создавшееся положение результатом "взаимных недоразумений", предложив об-ву "Нов.Мир" уплатить мне следуемый до конца лишь года гонорар, каковой, однако, я получил ровно год спустя.

Не берусь передать Вам создавшееся для меня после описанного выше положение: не зная меня лично, некоторые действительно поверили, что у меня "невозможный, неуживчивый и т.п. характер", как то усердно распространяли Ингерман и Ко. С другой стороны, хотя я и считал себя оклеветанным, я все же не находил возможным предать сколько нибудь широкой гласности недостойное поведение Ингермана и Ко, чтобы тем не вызвать ликвидния среди врагов наших. Я, вероятно, и теперь молчал бы. Но следующие обстоятельства заставили меня взяться за перо, хотя и на этот раз еще для ознакомления небольшого круга лиц с тем, что мне пришлось здесь испытать.

Прошло три года со времени моего ухода из "Нов. Мира". Газета за это время под руководством Ингермана редактировалась до того плохо, что со всех сторон раздавались постоянно жалобы и даже возмущения. Всюду рассказывались попадавшиеся в "Нов. Мир" курьезы, из некоторых иные, действительно, вполне годились для юмористических газет. Сознали, наконец, это и члены Правления, и некоторые из редакторов, за исключением, конечно, Ингермана, добившегося с моим уходом осуществление своих стремлений - стоять во главе чужим горбом созданной газеты и быть в состоянии без малейшей помехи с чьей либо стороны помещать в ней бессодержательные упражнения "на разные темы".

Однажды пришел ко мне секретарь об-ва "Нов. Мир" С. Восков и стал просить меня, чтобы я начал сотрудничать в этой газете, так как, по его признанию и многих других, "она ведется неудовлетворительно" вследствие отсутствия литературных сил.

В виду протекших лет, а также наступившей всемирной войны я полагал, что Ингерман с Ко могли сколько нибудь измениться к лучшему, а потому я по товарищески ответил т. Воскову, что в

принципе я принимаю его предложение, но фактически осуществлю его, когда редакция одновременно пригласит в число сотрудников и здешних моих товарищей, которые из солидарностио одновременно со мною вышли из "Нов. Мира". С этим ответом согласился и тов. Восков.

Вскоре затем я получил официальное, письменное уведомление, что все члены Правления и редакции "Нов. Мира", в количестве четырнадцати человек, единогласно постановили пригласить меня в число сотрудников этой газеты. Но к моему крайнему удивлению в этом приглашении ни единым словом не упоминались мои товарищи - Г. Зиновьева, М. Аронсон, М. Равич и др. И тогда письменно же повторил коллегии "Нов. Мира" о невозможности принять приглашение, раз таковое же не будет адресовано и к перечисленным лицам. Но на это последовал отрицательный ответ со стороны "Нов. Мира". Между тем я считаю себя решительно не вправе сотрудничать в этой газете, раз лиц, проявивших по отношению меня солидарность, по тем или иным соображениям отказываются пригласить в число сотрудников. С моей стороны это было бы нарушением простых товарищеских отношений.

Пока шли эти переговоры, на страницах "Нов. Мира" появилось письмо т. Мартова, в котором он сообщает, что, когда он был в Петербурге, то редакциею "Рабочей Газеты" и "Нашей Зари" было коллективно решено начать сотрудничать в "Нов. Мире". Действительно, одновременно с этим появилась в этой газете статья его, затем Мандельберга, Мартынова и др.

Вам, конечно, известно, что т.т. Мартов, Дан, Волонтер, Тропкий и Балабанова, сотрудничавшие в "Нов. Мире" во время моего редактирования этой газеты, отказались от этого после состоявшегося

недостойного удаления меня из нее, о чем все вышеназванные товарищи-литераторы тогда же и заявили редакции и Правлению. Теперь, очевидно, взгляд на сотрудничество в "Нов. Мире" у т.т. Мартова, Мартынова и других изменился. Я против этого не мог бы ничего иметь, если бы своевременно и мне было сообщено этими товарищами об их намерении: тогда, быть может, сообща у нас выработалось бы относительно такого сотрудничество одинаковое решение. Но "коллективное-решение" товарищей-литераторов, состоявшееся в Петербурге, о котором я узнал только из письма Мартова в "Нов. Мире", - мне и некоторым другим здешним товарищам представляется нарушением элементарных товарищеских отношений - чувства солидарности. Если бы аналогичным образом поступали все, тогда невозможны были бы какие либо отношения.

Не только от товарищей-литераторов, но и от мало развитых рабочих мы требуем солидарности, солидарных выступлений в их профессиональных занятиях. Неужели, мы, социалисты, должны представлять в этом исключение? Интриган, клеветник, мелкий честолюбец путем всяких возмутительнейших приемов, для достижения своих жалких целей добился того, что старого товарища среди зимы выбросили на улицу после того, как его же усилиями создана была газета и единомышленники и близкие товарищи последнего вправе, не сообщив ему ни слова, забыть все? Или меня не считают товарищем?

Я уже несколько недель, как Вы знаете, тщетно кду раз "ясснения этого "коллективного решения" и теперь вновь обращаюсь через Вас к товарищам Мартову и другим с просьбой дать его мне.

ЦА155
Д317
Дейч. Л

2010 г.
У 82

Ц-3418х

прил. к 3-му экз.